

Иногда встречи с интересными людьми происходят совершенно случайно. Однажды в редакцию пришел мужчина и заинтриговал нас рассказом о послевоенной Питкяранте и пленных венграх. А когда мы стали выпытывать у него подробности, посоветовал обратиться к его матери, Анастасии Петровне Жеребцовой. И мы обратились...

- Родом я из Калининской области, города Весьегонска. После Советско-Финляндской войны мы завербовались в леспромхоз в Прионежском районе. Во время Великой Отечественной войны нас эвакуировали в Рязанскую область. В конце 1945 года я вновь вместе с тремя старшими сестрами по вербовке приехала в Карелию. Возвращаясь, мы думали, что едем в Прионежский район, на уже обжитое место. Но нас отправили в совхоз Орусъярви. Старшая сестра работала экспедитором, вторая - шофером, третья разнорабочей, а я, пятнадцатилетняя, сидела дома с маленьким племянником.

Клюква и малярия

Послевоенные годы были голодными, каждый выживал как мог. Однажды я собралась на болото за клюквой, строго наказав племяннику сидеть дома. Выхожу, а мне навстречу бабушка идет и спрашивает: «Девочка, куда ты идешь?» За клюквой, говорю. Бабушка заохала, заохала: «Не ходи, миленькая, малярию подхватишь!» Про малярию я тогда даже не знала, да и что такое непонятная болезнь по сравнению с возможностью добыть хоть немного еды? Естественно, я ее не послушала! Набрала ягод, пришла домой, а вечером началось. Как будто сглазила меня бабуля.

Как раз во время моей болезни мама, которая тоже переехала к нам, пыталась устроиться на целлюлозный завод в Питкяранте. Но ей отказали. Оказывается, она не взяла с собой каких-то нужных документов. Что делать? Мы посоветовались и решили,

Меня спас немецкий врач

Добавил(а) Administrator

19.12.13 09:34 - Последнее обновление 19.12.13 09:56

что я тоже попытаюсь устроиться на завод.

Хоть мне и плохо было, мы пешком от Орусъярви до Салми дошли. А на салминском вокзале меня снова накрыла малярия. Она ведь как проявляется? Вначале озноб жуткий, потом температура поднимется до 40°, пить хочется сильно. На следующий день вроде как проходит, только слабость остается. До очередного приступа. В Салми меня отрясло, пока поезд ждали, а к тому моменту, как в Питкяранту приехали, уже температура поднялась.

Ну и где город?

Вышли мы на вокзале, и я очень удивилась. Все говорят - город, город, а где он, этот город?

На вокзале ларек стоял, в котором лимонад и печенье продавали, вверху белело разбитое здание горсоветовского магазина. Кроме магазина, сохранились разбитый клуб завода и детский дом. Да еще деревянный одноэтажный желтый домик на месте ПУ-20. Там располагался нарсуд. Вот и весь город.

Мама купила мне лимонад, и по плавучему мосту мы пошли на завод. Приходилось передвигаться короткими перебежками. Если поблизости нет машин - бежишь. Если машина едет - пережидает, мост-то качается.

В отделе кадров силы меня совсем покинули, прислонилась к стенке и стою, даже слова сказать не могу. Мама все, что надо было, рассказала, а начальник посмотрел на меня и спрашивает: «Что же вы, девочку только с постели подняли?» Пришлось все списывать на голод и трудную дорогу. Думаю, не особо он в это поверил, видел, что я еле стою, но пожалел, взял на работу. Оформили меня рабочей на лесозавод, так тогда назывался будущий лесной цех.

Врач-спаситель

В мои обязанности входило пучки с бревнами распускать, подавать на лесотаску, под пилораму. На третий рабочий день стою с багром, и вдруг как залихорадит, руки аж ходуном ходят. Женщины увидели, в здравпункт отвели. Оттуда отправили в больницу. Врач говорит: «Тебе, девочка, здешний климат не подходит, уезжать надо». А куда мне ехать? Родные все здесь. Больше приемов он мне не назначал, велел за больничным листом прийти, если поправлюсь.

Меня спас немецкий врач. Мамина знакомая работала санитаркой в больнице в лагере военнопленных. Она и рассказала обо мне врачу. К тому моменту я уже не вставала, приступы каждый день были. Немец дал три таблетки хины, они мне и помогли. Никогда не забуду, что он мне жизнь спас! Я выздоровела от почти двухлетней болезни и вернулась на завод.

Немцы и мадьяры

Завод восстанавливали пленные немцы. Жили они в двухэтажных деревянных домах. Два и сейчас сохранились - это дома № 12 и 14 по ул. Ленина. Было еще три дома, один из них стоял напротив памятника Ленину, все огорожены. Какая же у немцев была чистота! Дворики чистенько выметены, клумбы аккуратно разбиты, все цветет.

Любо-дорого смотреть! Работали они по очереди: две бригады на заводе, остальные строили молодежный городок - бараки на месте магазина «Мир».

Мама моя перебралась в город, устроилась сторожем в прачечную, которая находилась на месте теперешнего здания полиции. Ей там дали отдельную комнату. В прачечной и бане для пленных работала бригада из 12 мадьяр, венгров то есть. Благодаря венгру Андрею, переводчику, мы много общались с пленными.

Кормили их хорошо. Бывало, принесут большую кадушку каши, масло плавает, а они маме откладывают в кастрюльку. Племянник мой, мамин внук, с мамой жил, так венгры для него рубашку из своих рубаш сшили и штаны тоже. Он все время с мадьярами проводил, не отходил ни на шаг, даже язык выучил.

Такая разница...

Закончат немцы и венгры молодежный городок строить, и их куда-то увезли. А утром на завод привели наших заключенных с внушительной охраной. Военнопленных тоже в город без охраны не отпускали, но она была скорее символической - три человека охраны на колонну немцев. Зато на группу наших заключенных приходилось по десять человек, да еще и с собаками.

То, что теперь нужно держать ухо востро, мы поняли после инцидента, произошедшего в первый же день.

Пошли женщины в душ, а заключенные у них одежду стащили. Те вышли, а одеть нечего. Чем закончилась эта история, я уж и не помню. Но с немцами работалось гораздо легче. Что нужно, попросишь - всегда помогут. А с нашими!.. Никогда не знаешь, что они сделают. Однажды они своего бросили в миксы, где делают щелок...

Своего первого мужа я, как ни странно, нашла среди заключенных. Он сидел за самовольную отлучку.

На танцы по льду

Торжественное событие - пуск завода - я хорошо помню. Он как раз на мою смену пришелся. Я тогда работала в химическом цехе и сама цех запускала.

Постепенно город застраивался. Отремонтировали клуб завода, и мы стали ходить на танцы, танцевали вальс под духовой оркестр- Есть было нечего, зато жить весело. Мне дали квартиру на острове, и я бегала на танцы по льду. Сейчас есть что одеть, да некуда. И не надо уже... А раньше одеть-то нечего было - одно платье да юбка с кофтой!

Никогда на танцах не было у нас пьяных. Начальник милиции, Солкин Михаил Иванович, на всех танцах дежурил. Только заметит, что кто-то переборщил с горячительными напитками, сразу подходит: «Сынок, пошли поговорим». Смотрим - все, сынок домой пошел. Очень хороший Михаил Иванович был человек!

Между работой и учебой

В свое время мне очень хотелось учиться, и я поступила в вечернюю школу. Она находилась в пожарной части, на заводе. Крутилась как белка в колесе: до обеда - работа, потом курсы электромотористов, вечером школа. Можно сказать, жила на заводе. Возвращалась домой уже к ночи. Летом-то светло, а зимой, в метель, приходила домой чуть живая и вся мокрая. Есть хочется, а нечего, не до готовки было. Пришлось выбирать между курсами и вечерней школой. Женщины на работе посоветовали выбрать курсы, все-таки специальность. Очень жалко, что бросила учебу, еще и потому, что она мне легко давалась, я училась на «отлично».

В химическом цехе я проработала не очень долго, около трех лет. Зарботки у электромотористов небольшие были, поэтому перешла в лесной цех. Работа хоть и тяжелая, зато зарплата больше. Это потом уже лесной оборудовали, построили раздевалки, душ. А вначале ведь ничего не было. В чем работаешь, в том и домой возвращаешься. Кусок хлеба в карман сунешь и, пока ножи в древесном меняют, быстренько жуешь. Под дождем намокнешь вся, домой по вечернему морозцу бежишь - только штаны шоркают Там, наверное, и закалилась.

Земля гудит

В последнее время много говорят и пишут о наших шахтах. А ведь мой дом как раз и стоит на одной из них. Иногда ночью вскакиваю и выбегаю в страхе на улицу: кажется, под землей что-то гудит и обваливается.

Вся наша улица с 1962 года носит в шахту мусор. Чего там только нет: старая мебель, ветки, песок, деревья и даже ...автомобили.

Не перестаю удивляться...

Моя жизнь неразрывно связана с Питкярантой. Я видела город разрушенным, видела, как его восстанавливали... Я не перестаю удивляться: раньше мы жили по три-четыре семьи с детьми в двухкомнатных квартирках. По очереди варили, убрали, сидели с детьми и никогда не ссорились, делили на всех последний кусок хлеба. А сейчас родные люди между собой жилплощадь поделить не могут, ругаются, до преступления доходит. Неужели тогда время было другое? И что случилось с нынешней молодежью?

Записала Маргарита Емельянова
Новая Ладога, 2010 год.